

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РОССИЙСКОГО ПОВОРОТА НА ВОСТОК

Анатолий Евгеньевич Савченко

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Владивосток, Россия*

Иван Юрьевич Зуенко

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Владивосток, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 29 октября 2019 <i>Принята к печати:</i> 10 января 2020	Аннотация: Статья посвящена анализу предпосылок появления феномена российского «поворота на Восток». Несмотря на определённый скептицизм по отношению к этому понятию среди наблюдателей, как за рубежом, так и в самой России, авторы показывают, что переориентация России на тесное взаимодействие с государствами Азиатско-тихоокеанского региона и развитие восточных регионов страны действительно происходит. При этом отмечается, что «поворот на Восток» должным образом не концептуализирован и зачастую анализируется сквозь призму отдельно взятых сюжетов (например, воспринимается исключительно как ответ на западные санкции в посткрымский период). Авторы предлагают рассмотреть «поворот на Восток» в более широком историческом контексте, как следствие синергии трёх процессов: 1) участия России в глобальном соперничестве за реконфигурацию мирового порядка; 2) реализации Москвой проекта по реинтеграции постсоветского пространства и конкуренции с альтернативными направлениями постсоветской интеграции; 3) диверсификации политико-экономических связей. В результате анализа корпуса программных документов, относящихся к сфере внешней политики Москвы, делается вывод, что «поворот на Восток», который можно рассматривать как сознательный акт девестернизации, происходит на основе, созданной в 1990–2000-е годы. Непосредственными предпосылками (авторы называют их «движущими силами») к «повороту на Восток», который целесообразно отсчитывать от начала 2010-х годов, стали: сближение с Китаем, формирование инфраструктуры сотрудничества со странами АТР и постсоветской Центральной Азии, стремление России диверсифицировать рынок поставок энергоресурсов, выйдя из монополической зависимости от европейского покупателя. <i>Статья написана при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Дальневосточный ресурс интеграции России в АТР: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия». Проект № 14-18-00-161.</i>
Об авторах: <i>Савченко А.Е.</i>, заместитель директора, ИИАЭ ДВО РАН e-mail: savchenko@ihaefe.ru <i>Зуенко И.Ю.</i>, научный сотрудник отдела китайских исследований, ИИАЭ ДВО РАН e-mail: lakrimoser@mail.ru	
Ключевые слова: поворот на Восток; девестернизация; геополитика; интеграция; АТР; Дальний Восток	

Идея без концепции?

К обоснованию актуальности темы

«Поворот на Восток» нельзя назвать оригинальной российской концепцией. Словосочетание «*Pivot to Asia*» первоначально закрепилось за американской внешней политикой в 2011 г., после публикации программной статьи госсекретаря США Х. Клинтон

«Американский тихоокеанский век»¹. Мало кого можно удивить тезисом, что западный мир объективно поворачивается к Азии – новому центру экономического притяжения. Однако российский поворот на Восток

¹ Clinton, H. America's Pacific Century. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>

представляется наиболее противоречивым и, вместе с тем, актуальным по своим ближайшим геополитическим последствиям². В нём переплелись глобальные, национальные и региональные интересы, стратегические соображения и приоритеты территориального развития России, что порождает общественно-политический резонанс, не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, российский поворот на Восток был темой обсуждения в таких изданиях как *Wall Street Journal*, *Foreign Affairs*, *The Economist*, *The Diplomat* и многих других. Он постоянно находится в повестке различных конференций по международным отношениям. Перед нами явно нечто большее, чем девиз на злобу дня. Географическое расположение и долгая история взаимоотношений России и Азии, включая очевидный «азиатский след» в социально-политическом устройстве, культуре и антропологии российского человека, открывают простор для культурологических и историософских интерпретаций, цитирования размышлений Ф.М. Достоевского на тему «сколько» Азии в России³. На этом фоне особенно заметна нехватка концептуального осмысления российского поворота на Восток. Что, собственно, это такое? Стоит ли миру относиться к нему всерьёз, и по каким критериям его можно измерить?

У политиков нет ответа на эти вопросы, о чем свидетельствует известная дискуссия И. Шувалова и А. Кудрина на Петербургском экономическом форуме в 2015 г., где последний высказал «большое опасение» насчет целей поворота на Восток, а первый вынужден был уверять, что речь идёт не более, чем о диверсификации внешнеэкономических связей⁴ (эти уверения выгля-

дят неубедительно, если сопоставить их с произошедшими изменениями в важнейших внешнеполитических документах и приоритетах, о чём речь пойдёт ниже).

Однако, похоже, ответа нет и у экспертов, несмотря на обилие аналитических материалов на эту тему⁵. Яркий пример – книга российских экспертов, специально посвящённая повороту на Восток и его влиянию на развитие Сибири и Дальнего Востока⁶, в которой, однако, нет обобщающего заключения. И вряд ли это случайно. На сегодняшний день не существует консенсуса по поводу того, что же именно представляет собой «поворот на Восток», когда он начался и каковы его цели. И тем более не создано аналитической схемы, в которой можно было бы систематизировать и обобщить раз-

ответы на злободневные вопросы». Россия. Санкт-Петербург, 2015. С. 9-11. Режим доступа: <https://www.forumspb.com/upload/iblock/c41/c4113b597eb99654e1d44451d10a897e.pdf>

⁵ См. например: К Великому океану – 4. Поворот на Восток: предварительные итоги и новые задачи. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. 36 с. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/12395/> [K Velikomu okeanu – 4. Povorotna Vostok: predvaritel'nye itogi i novye zadachi. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» (Toward the Great Ocean 4: Turn to the East. Preliminary Results and New Objectives. The Paper of the Valdai Discussion Club). Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/files/12395/>]; Бордачёв Т.В. Поворот на Восток и евразийское всеобъемлющее партнёрство. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-evraziyskoe-partnerstvo/> [Bordachjov, T.V. Povорот na Vostok i evraziyskoe vseobemljushhee partnjorstvo (Russia's Pivot to the East and Comprehensive Eurasian Partnership). Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-evraziyskoe-partnerstvo/>].

⁶ Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И.А. Макаров. М.: Международные отношения, 2016. 448 с [Povorot na Vostok. Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v uslovijah usilenija aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii (Pivot to the East. Developing the Siberia and Far East in the Terms of Increasing of the Eastern Vector of Russia's Foreign Policy). Ed. by I.A. Makarov. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2016. 448 p.]

² Rozman, G. The Russian Pivot to Asia. The Asian Forum, 2014, November-December. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/>

³ См. например: Korolev, A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications // *Pacific Affair*, 2016, Vol. 89, No. 1, p. 53; Blank, S. What Is Russia to Asia? // *Orbis*, 2003, October. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2003/10/what-is-russia-to-asia/>

⁴ Стенограмма панельной сессии Петербургского международного экономического форума 18 – 20 июня 2015 г. // «Экономика: честные

ноплановые трансформации в сфере внешнеполитических, внешнеэкономических и территориальных приоритетов России.

Работа по заполнению концептуального пробела в данной теме и является тем проблемным полем, в котором было проведено наше исследование. Его непосредственная цель – выявить предпосылки (движущие силы) российского поворота на Восток и, таким образом, понять его взаимосвязь с основными глобальными, национальными и региональными приоритетами России. При этом составление хронологии данного процесса, его периодизация, равно как и попытки оценить его эффективность, не входили в число задач авторов.

Поворот на Восток рассматривается нами сквозь призму трёх глобальных процессов: 1) участия России в глобальном соперничестве за реконфигурацию мира; 2) реализации Россией стратегии по реинтеграции постсоветского пространства, вступившей во взаимодействие с альтернативными направлениями постсоветской интеграции; 3) выстраивания Россией альтернативных западному направлению политико-экономических связей. Анализу влияния каждого из этих процессов на формирование российского поворота на Восток посвящён отдельный раздел работы. Выводы в отношении выделенных нами предпосылок поворота на Восток даются в завершении статьи.

Реконфигурация миропорядка и «девестернизация» России

Активизацию азиатско-тихоокеанского направления российской геополитики удобно представить в виде соотношения «структуры» и «движения». Стабильный миропорядок, будучи большую часть времени жёстко структурированным на доминирующих и подчиненных, оставляет мало возможностей для каких-либо радикальных геополитических манёвров отдельных государств. Но в те времена, когда несущие структуры мира ослабевают, а так называемые «восходящие державы» расшатывают устоявшийся мировой порядок, пространство для изменения status quo расширяется. Если вступление

России в большую геополитическую игру и произошло случайно, случайным может быть время и повод, но не само явление, которое продуктивнее рассматривать как результат синергии долгосрочных процессов. Сама же эта игра нацелена на принципиальную трансформацию международной системы. Мотивы и цели действий России на международной арене являются предметом многочисленных альтернативных интерпретаций⁷, однако с тем, что Россия на рубеже первых двух десятилетий XXI века вернулась в глобальное соперничество за реконфигурацию мира, спорить никто не станет.

Анализ поворота на Восток сквозь призму геополитики требует особой осторожности, поскольку геополитика многогранна – это одновременно теория, идеология и один из способов внешнеполитического позиционирования государства⁸. В нашем случае, обращение к ней оправдано тем, что в сфере принятия политических решений она играет в России всё более возрастающую роль, порой перевешивая прочие соображения⁹. Экономические приоритеты и даже взаимовыгодное партнёрство в сфере обеспечения безопасности отходят на второй план там, где на кону интересы государства, понимаемые как геополитические¹⁰.

⁷ О широком спектре альтернативных интерпретаций причин, мотивов и целей действий России на международной арене см.: Барановский В. Новая внешняя политика России: Влияние на международную систему (Тезисы доклада к заседанию Учёного совета ИМЭМО РАН 27 января 2016 г.) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 7. С. 5-6. [Baranovskij, V. Novaya vneshnjaja politika Rossii: Vlijanie na mezhdunarodnuju sistemu (Tezisy doklada k zasedaniju Uchjonogo soveta IMJeMO RAN 27 janvarja 2016 g.) (Russia's New Foreign Policy: Implication for International System) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, Vol. 60, No. 7, pp. 5-6.]

⁸ Osterud, O. The Uses and Abuses of Geopolitics // *Journal of Peace Research*, 1988, Vol. 25, No. 2, p. 191.

⁹ Korolev, A. Bringing Geopolitics Back In: Russia's Foreign Policy and Its Relation with the Post-Soviet Space // *International Studies Review*, 2015, No. 17, p. 309.

¹⁰ Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности // *Мировая экономика и*

В своё время, на рубеже XVI-XVII вв., Россия смогла почувствовать направление «ветра истории», став одним из первых государств, целенаправленно реализовавших политику вестернизации. Это не сделало её западной страной в полном смысле этого слова, но превратило её в один из ключевых субъектов мировой политики того времени – времени мировой экспансии Запада. Вестернизируясь, Россия осуществляла свой собственный геополитический проект интеграции ближнего пространства по периметру своих границ на Западе, на Юге и на Востоке. Не являемся ли мы сегодня свидетелями обратного движения маятника и формирования нового цикла – сознательной «девестернизации»? Иначе говоря – «поворота на Восток» как целенаправленной политики страны, особо чувствительной к переломам мировых геополитических трендов?

То, что первые лица в российской власти мыслят «геополитически», не вызывает сомнений. Более того, они подчёркивают масштабность, и даже драматичность глобальных перемен. См., например, характерные высказывания первых лиц российского государства:

2012 год, Президент России В.В. Путин: «...Хочу, чтобы мы все отчётливо понимали, ближайшие годы будут решающими, и может быть, даже переломными, и не только для нас, а практически для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а может быть даже и потрясений»¹¹.

2015 год, Министр иностранных дел С.В. Лавров: «Мир походит через очень серьёзный и весьма продолжительный (к этому необходимо привыкнуть) этап пере-

форматирования системы международных отношений из однополярной и биполярной в полицентричную, призванную отражать культурно-цивилизационное многообразие современного мира»¹².

Для такого видения современного мира у российского руководства появились веские основания. Явное усиление крупных незападных стран в ходе мирового перераспределения экономической и военной мощи, которое происходило в 1990-е – 2000-е гг., и особенно стало заметным в период «товарного суперцикла» 2001-2008 гг.¹³, сократило возможность Запада проецировать свою власть на остальной мир. Хотя товарный суперцикл закончился, и, возможно, не повторится в среднесрочной перспективе, реконфигурация мира приобретает собственную динамику, поскольку крупнейшие развивающиеся страны, сосредоточенные в основном в Азии, сумели геополитически капитализировать свои экономические успехи. Подтверждением этому служит появление различных объединений, наподобие «БРИКС» или «Большой двадцатки», которые продвигают многосторонний формат принятия ключевых экономических решений и расширяют круг участников этого процесса.

Кроме того, на наших глазах разворачивается новая борьба за передел мира, на этот раз в виде конкуренции масштабных интеграционных проектов: в АТР альтернативой Транстихоокеанскому партнёрству выступает Региональное всестороннее экономическое партнёрство, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП). На постсоветском пространстве столкнулись проекты

международные отношения. 2016. Т. 60. № 8. С. 5. [Global'naja sistema na perelome: puti k novoj normal'nosti (Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, Vol. 60, No. 8, p. 5.]

¹¹ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года. Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (Попутно заметим, что сказано это было до обострения отношений с Западом и активных действий России на мировой геополитической арене).

¹² Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО, Москва, 1 сентября 2016 года. Mode of access: <http://svop.ru/main/21124/>

¹³ Под товарным суперциклом понимается резкий рост цен в 2002-2011 гг. на товары (в среднем на 379%), с опережающим подорожанием сырьевых ресурсов. Главными бенефициарами этого суперцикла стали развивающиеся страны-экспортёры. [См.: Statts, S. The Chimera of Global Convergence. *New Left Review*, 87. May-June 2014. P. 82.]

европейской («Восточное партнёрство») и евразийской (ЕАЭС) интеграции и, опять же, китайская инициатива ЭПШП.

Контуры нового миропорядка пока неясны, но мало сомнений в том, что Восточная Азия будет играть в нём одну из определяющих ролей¹⁴. Именно в этой части планеты расположены главные страны (прежде всего Китай и Индия), которые не связаны с США сетью тесных альянсов и имеют достаточный потенциал для того, чтобы в близкой перспективе «изменить облик глобальной политики и экономики»¹⁵. Отражая эти процессы, Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. (повторяя, впрочем, предыдущий её вариант) провозглашает «распределение мирового потенциала силы и развития» и их «смещение» в Азиатско-Тихоокеанский регион¹⁶.

Россия в течение последних тридцати лет активно, хотя и неявно, участвовала в размывании мощи Запада, используя одно из немногих сохранившихся у неё преимуществ сверхдержавы – высокотехнологичный военно-промышленный комплекс. Закупки российского вооружения были важным фактором создания современных армий Китая и Индии. Если наращивание экономической мощи крупнейших азиатских стран было обусловлено взаимоотношениями последних с США и Европой, то геополитическая капитализация этой мощи происходила при участии России. Вероятно, в том числе и это имел в виду английский историк Дж. Хоскинг, писавший в начале 2000-х гг.,

о том, что Россия, вопреки расчётам Запада, сбросившим её со счетов, продолжит играть ключевую роль в формировании мира, и эта роль будет (с точки зрения англичанина) – «отрицательной»¹⁷.

В настоящее время по всему миру успешная модернизация, как, впрочем, и сама глобализация, все меньше связываются с вестернизацией, и у западных стран все меньше ресурсов для того, чтобы изменить этот расклад обратно в свою пользу¹⁸. Сегодня вовсе не обязательно следовать прозападным курсом, чтобы осуществить модернизацию. Китай показывает элитам развивающихся стран привлекательную альтернативу западной модели – авторитарную политическую власть в сочетании с государственным капитализмом¹⁹. Добавим также, что эта модель снижает зависимость легитимности режима от его признания в странах Запада. И это именно та перспектива, к которой движется значительная часть стран постсоветского пространства.

При этом Россия до недавнего времени была экономически, но, что не менее важно, идеологически, интеллектуально и институ-

¹⁷ Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2-х кн. Кн. 1: Пер. с англ. / Дж. Хоскинг. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. С. 6 [Hosking, Dzh. Rossiya i russkie. (Russia and Russians). Transl. Moscow: AST, 2003. P. 6.].

¹⁸ Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности: пер. с англ. / под ред. Акад. А.А. Дынкина, д-ра М. Барроуза / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2016. С. 13. [Global'naja sistema na perelome: puti k novej normal'nosti: per. s angl. (Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal). Transl. IMEMO. Moscow, 2016. P. 13.]

¹⁹ Шпангер Ханс-Йоахим. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208#_ftn1 [Shpanger, Hans-Joachim. Povорот Rossii na Vostok, povорот Kitaja na Zapad: vzaimodejstvie i konflikty na Shjolkovom put (Russia's Turn Eastward, China's Turn Westward: Cooperation and Conflict on the New Silk Road). Mode of access: http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208#_ftn1]

¹⁴ Это то, что английские учёные назвали «междоцарствие» (interregnum). [См. подробнее: Kerr, David. Dilemmas of the "Middle Continent": Russian Strategy for Eastern Eurasia // *The International Spectator*, 2009, Vol. 44, No. 2, p. 75.]

¹⁵ Харрел Э. Гегемония, либерализм и глобальный порядок: где могут появиться новые великие державы? // *Прогнозис*. 2007. № 1 (9). С. 38. [Harrel, Je. Gegemonija, liberalism i global'nyj porjadok: gde mogut pojavit'sja novye velikie derzhavy? (Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers?) // *Prognosis*, 2007, No. 1 (9), p. 38.]

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248

ционально привязана к структурам западного мира, куда она стремилась вписаться с конца 1980-х гг. (Оставим здесь за скобками тот очевидный факт, что и сам Советский Союз был в своей марксистской основе проектом вестернизации). Соответствие западным критериям выступало мерилom качества и эффективности в самых разных сферах деятельности: от политических институтов до стандартов финансовой отчетности, научной деятельности и образования. На Западе же находился «центр легитимации важнейших внутриполитических процессов»: в Вашингтоне, Лондоне и Берлине оценивали президентские и парламентские выборы на соответствие высоким стандартам демократии.

Участие в престижном клубе «Большой Восьмерки», в саммитах «Россия – ЕС» и «Россия – НАТО» – всё это было не только источником престижа, но и привычным форматом международной коммуникации для российской политической элиты. В неё были вовлечены десятки ведомств, рабочих групп, комитетов, и экспертных площадок. Так создавалась бюрократическая инерция евроцентризма российской внешней политики. Даже геополитические противоречия выплёскивались именно на западной политической сцене – примечательно, что знаменитая «Мюнхенская речь» была произнесена именно в Мюнхене, а не в Шанхае или Астане.

Экономическая система России, в годы нефтяного благополучия, была выстроена таким образом, что доходы от экспорта нефти стерилизовались в специальных фондах, обеспечивая макроэкономическую стабильность. Хорошие макроэкономические показатели, в свою очередь, были залогом продвижения России на верхние позиции в кредитных рейтингах западных агентств, которые открывали для российских компаний доступ на западный финансовый рынок, ставший одним из главных источников инвестиций в российскую экономику. Это был если не комфортный, то знакомый и понятный для российской элиты мир, который с началом 2010-х гг. стал уходить в прошлое:

Во-первых, внутриполитическое развитие в стране пошло по траектории, явно расходящейся с западными стандартами и ожидания-

ми. Западная идеология, основанная на принципах верховенства международного права, столкнулась с ростом популярности идеологии национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

Во-вторых, экономически Россия встроилась в западный мир лишь в качестве поставщика сырья, но даже эта не особо почётная роль оказалась под угрозой в виду стремления Евросоюза диверсифицировать поставки энергетических ресурсов. Обвал цен на энергоносители, в сочетании с усложнением доступа на западные рынки капитала и негативным пересмотром позиций российской экономики ведущими рейтинговыми агентствами, поставил под сомнение сложившуюся модель экономических отношений с Западом.

В-третьих, с 2014 г. оказались заблокированы привычные каналы коммуникации с США и Европейским союзом. Многосторонние форматы были заморожены, и даже персональные контакты на уровне политической элиты были сведены к минимуму.

«Девестернизацию» сложно, и едва ли возможно, измерить в формальных показателях (вроде доли азиатских стран во внешней торговле, или количеством проведенных совместных мероприятий с незападными странами – хотя и по этим параметрам наблюдается существенный рост). Мы просто не сможем отличить её от диверсификации экономических связей, политики многовекторности, или же интеграции в АТР. Главные признаки девестернизации пока могут быть схвачены на уровне восприятия. Они связаны с изменением внешнеполитических приоритетов Москвы и её готовностью к разрыву наработанных связей с Западом, открытому противопоставлению национальных традиций и ценностей западным и ростом значимости Азии для реализации собственного геополитического проекта на постсоветском пространстве.

Обобщая, мы можем сказать, что тенденции в мировой политике наложились на разочарование российского общества (не только элиты) во взаимоотношениях с Западом и внутриполитические процессы в стране. В контексте долгосрочных геополитических и экономических интересов у Рос-

сии оказалось не так много стимулов, чтобы поддерживать западнцентричный миропорядок, в который она была встроена лишь в качестве поставщика ресурсов и в конкуренции с которым она продолжала утрачивать свои исторически сложившиеся зоны интересов в Восточной Европе, Центральной Азии и Ближнем Востоке. Поэтому, когда экономический динамизм АТР запустил процессы трансформации миропорядка, Москва, стала, пожалуй, самым громким и заметным сторонником смещения геополитической мощи в пользу «не-Запада».

Реинтеграция постсоветского пространства – поиск точек опоры

Главным непосредственным катализатором поворота на Восток явились трудности, с которыми столкнулся проект реинтеграции постсоветского пространства – региона, где географически локализован геополитический ресурс для упрочения потенциала России²⁰. Эти трудности были обусловлены как нормальным для молодой государственности дискурсом в сторону деколонизации и укрепления суверенитета, так и геополитическим давлением Запада, воплотившимся в двух волнах. Первая волна – «цветные революции», в ходе которых правящие режимы были свержены в Грузии, на Украине и в Киргизии. Три революции произошли в течение всего 18 месяцев (с декабря 2003 по апрель 2005 года) и были восприняты в России как «общий сценарий» свержения в бывших советских республиках дружественных режимов²¹. Вторая волна оказалась связана

с запущенным в 2009 году проектом ЕС под названием «Восточное партнерство», целью которого являлось развитие интеграционных связей с шестью бывшими западными республиками СССР (Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан).

При этом именно постсоветское пространство являлось внешнеполитическим приоритетом для Москвы, как минимум, с начала 2000-х, хотя это особо и не афишировалось в публичной политике. Такой вывод можно сделать, проанализировав статистику зарубежных визитов российских президентов по страновому признаку за последние 16 лет (см. *Графики 1 и 2*).

График 1

Поездки Президента России В.В. Путина с 2000 по 2017 гг.

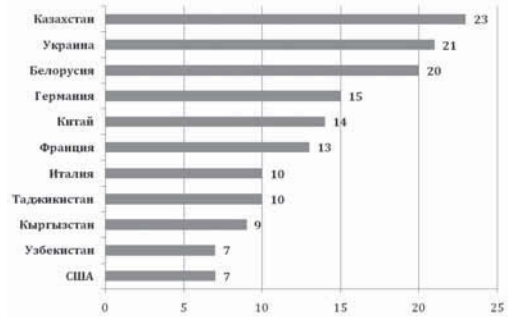

Figure 1. Trips of the President of Russia V.V. Putin from 2000 to 2017

График 2

Официальные зарубежные визиты Президента России Д.А. Медведева с 2008 по 2012 гг.

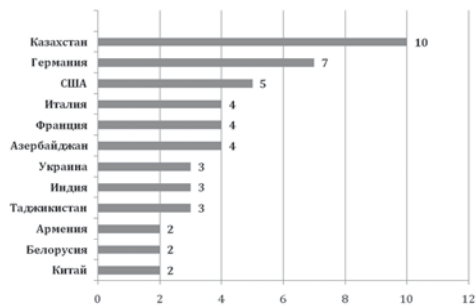

Figure 2. Official Foreign Visits of the President of Russia D.A. Medvedev from 2008 to 2012

Кроме того, приоритет развития двусторонних и многосторонних отношений со странами СНГ был зафиксирован и в Стратегии национальной безопасности Российской

²⁰ Hopf, T. Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics // *International Organization*, 2013, No. 67, pp. 317-354.

²¹ В России большинство людей до сих пор убеждены, что эти революции были инспирированы Западом с целью сокращения влияния Москвы. Между тем, анализ результатов позволяет усомниться в этом выводе. Так, например, в Киргизии пришедший к власти режим Бакиева оказался более репрессивным, чем правление Акаева, а вектор российской политики Бишкека при этом не изменился. На Украине же спустя пять лет в результате президентских выборов к власти пришел пророссийский политик Виктор Янукович.

Федерации до 2020 года, принятой в 2009 г., и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, принятой в 2008 г. – то есть задолго до 2014 года, от которого сейчас принято отсчитывать российский поворот на Восток²².

Однако для нашей темы более важна трансформация, которую претерпело содержание проекта реинтеграции постсоветского пространства:

Во-первых, он превратился из регионального в глобальный. Если раньше он отражал, по сути, превращение России в региональную державу, с коротким радиусом интересов (ограниченным ближайшими соседями, т.н. «ближним зарубежьем»), то в настоящее время этот проект становится альтернативой интеграции для соседних стран под эгидой Европы или Китая.

Во-вторых, сменился геополитический вектор этой реинтеграции – произошло фактическое вымывание из него европейской составляющей и концентрация на азиатской (позиционируется как «евроазиатская»). После грузинского и украинского кризисов российский интеграционный проект, воплощенный в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), естественным образом сконцентрировался в постсоветской Центральной Азии, которая одновременно является и сферой очевидных интересов Китая²³. К чести Москвы и Пекина, несмотря на ожидания конфронтации, идущие от западных наблюдателей²⁴, в 2015 году стороны нашли

подходящий формат взаимодействия своих интеграционных инициатив – было принято Совместное заявление России и Китая о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП25, свидетельствующее о желании Москвы наполнить концептуальную рамку интеграции на постсоветском пространстве китайскими инвестициями в инфраструктуру (пока неоправдавшееся).

Похожая метаморфоза произошла и с политикой интеграции в АТР, которая еще в самом начале 2010-х оставалась на периферии внешнеполитических приоритетов Москвы. В 2012 году В. Путин в своей программной предвыборной статье по внешней политике рисовал перспективу «Союза Европы», *«который только укрепит возможности и позиции России в ее экономическом повороте к «новой Азии»*²⁶. Позже в Указе Президента России «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» предписывалось: в отношениях с Европейским союзом: *«выступать за достижение стратегической цели – создание единого экономического и человеческого пространства от Атлантического океана до Тихого океана», в то время как в АТР «наращивать участие в региональных интеграционных процессах в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока»*²⁷. Таким образом,

org/russia-china-relations-in-central-asia-why-is-there-a-surprising-absence-of-rivalry/

²² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkBV6BZ29/content/id/294430; Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 No. 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=90601&fld=134&dst=100084,0&rnd=0.3411818763698158#0>

²³ Mankoff, J. Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // Asia Policy, 2015, No. 19, p. 76.

²⁴ Kaczmarek, M. Russia-China Relations in Central Asia: Why Is There a Surprising Absence of Rivalry? / *The Asian Forum*, September-October 2019. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/russia-china-relations-in-central-asia-why-is-there-a-surprising-absence-of-rivalry/>

²⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского и экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, 2015, 8 мая. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>; Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году. Обзор МИД России. Раздел: «Гармонизация интеграционных процессов на Евразийском пространстве». Москва, апрель 2016 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624

²⁶ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета, 2012, 27 февр. Режим доступа: <http://m.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html>

²⁷ Указ Президента Российской Федерации от

интеграция в АТР понималась в Кремле инструментально – в контексте задач развития своих периферийных территорий и имела менее высокий статус по сравнению с европейским направлением. Среди приоритетов в Концепции внешней политики Российской Федерации АТР располагался позади постсоветского пространства, Европейского Союза, блока НАТО, США и даже Канады и Арктики²⁸.

Однако обострившийся с 2014 г. конфликт с Западом придал российский политике в АТР первостепенный статус, фактически разрушив все стратегические перспективные планы Москвы по сбалансированной и многовекторной внешней и экономической политике. Заложенное в указанной Концепции стремление выстроить ЕвразЭС в качестве «эффективного связующего звена между Европой и АТР»²⁹ явно потеряло актуальность. При сохранении текущей позиции Запада развитию интеграционных связей с Азией, в том числе постсоветской, фактически не осталось реалистичных альтернатив. И это наглядно отразилось в изменении географических приоритетов внешнеполитической деятельности России, обобщенных в ежегодных официальных обзорах МИДа (см. Табл. 1)³⁰.

Таблица 1

Географические направления внешней политики (стрелками показано восходящее или нисходящее перемещение приоритетов с 2015 г.)	
2008 – 2014	2015 – 2018
Пространство СНГ	Пространство СНГ
Европа	Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве (появилось впервые)

7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешней политики Российской Федерации». Режим доступа: <https://rg.ru/2012/05/09/vn-polit-dok.html>

²⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248

²⁹ Ibid.

³⁰ Таблица составлена на основе анализа обзоров внешнеполитической деятельности за 2008–2016 гг. Режим доступа: www.mid.ru/ru/activity/review

2008 – 2014	2015 – 2018
США и Канада	Азиатско-Тихоокеанский регион↑
Азиатско-Тихоокеанский регион	Южная Азия↑
Южная Азия	Европа↓
Ближний и Средний Восток и Северная Африка	США и Канада↓
Африка	Арктика (появилось впервые)
Латинская Америка и Карибский бассейн	Ближний и Средний Восток и Северная Африка
	Африка к югу от Сахары
	Латинская Америка и Карибский бассейн

Table 1. Geographic areas of foreign policy (arrows indicate an upward or downward shift in priorities since 2015)

Из Таблицы 1 следует, что в 2015 г. произошла значительная перегруппировка в иерархии приоритетов. Европейское направление сместилось вниз, в то время как азиатско-тихоокеанское заняло третью строчку, сразу после пространства СНГ и «гармонизации интеграционных процессов на евразийском пространстве». И в этом контексте 2014 год действительно выглядит важной *вехой* на пути к девестернизации – однако, не *отправной точкой*, поскольку процессы, направленные на диверсификацию политико-экономических связей России и проект реинтеграции постсоветского пространства были запущены раньше. То же касается и приоритетного внимания к социально-экономическому развитию восточных регионов страны (Дальнего Востока и Восточной Сибири).

Российский поворот на Восток как развитие российского Востока

Развитие восточных регионов России, с одной стороны, должно было обеспечить выход на рынки АТР, с другой стороны, именно на обширных восточных территориях в первую очередь должны проявиться эффекты от углубления и интенсификации связей с АТР и постсоветской Центральной Азией. Данная взаимосвязь четко сформулирована в российских официальных стратегических документах (см. Табл. 2).

Таблица 2

**Приоритеты России в АТР и роль Дальнего Востока в их реализации
в стратегиях национального и регионального уровней действия***

Концептуальный / программный документ	Уровень действия	Приоритеты России в АТР	Роль Дальнего Востока
Концепция внешней политики Российской Федерации	Национальный	Наращивание всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия с Китаем. Формирование в СВА эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в АТР.	Закрепление за РФ статуса ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и АТР, в т.ч. посредством расширения участия в формируемых трансконтинентальных маршрутах грузоперевозок.
Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.	Национальный	Переориентация значительной части торговых потоков между Европой и Азией на российские транзитные маршруты путём повышения конкурентоспособности и привлекательности транспортных коридоров РФ. Создание адекватного экспортного потенциала на азиатском направлении.	Создание новых центров развития на Юге России, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, связанных с комплексной переработкой сырья, развитием рекреационной инфраструктуры; развитие транспортной инфраструктуры, укрепление населения.
Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.	Национальный	Наращивание экономического взаимодействия РФ с АТР через участие в масштабной реструктуризации национальных экономик стран Азии; участие российских компаний в крупнейших проектах в энергетике, металлургии, машиностроении, наращивание продаж отечественной наукоемкой продукции.	Реализация стратегических приоритетов России в АТР через ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока, необходимое для закрепления лидирующих позиций РФ в мировом хозяйстве, интеграция ДВ в мировое экономическое пространство.
Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2018 г.	Национальный	Реализация совместных инвестиционных проектов, организация эффективной инфраструктуры взаимодействия предпринимателей России и стран АТР. Расширение экспорта в Азиатско-Тихоокеанский регион.	Создание новых центров экономического роста в геополитически значимых регионах: на Дальнем Востоке, Юге России, Северном Кавказе, в Калининградской области, Крымском федеральном округе.
Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.	Региональный	Динамичное развитие стран АТР создаёт возможности для широкомасштабного выхода на растущие сырьевые рынки и повышения геополитической роли восточных районов России.	Дальний Восток как база для «экономического и геополитического прорыва России в АТР» и территория, формирующая «интегрирующий потенциал России в системе экономических и пространственных связей Азии и Европы» за счёт развития транспортной инфраструктуры.
Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»	Региональный	Не прописаны.	Развитие внешнеэкономических связей с АТР за счёт сближения условий ведения хозяйственной деятельности, широкого привлечения иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока

* Таблица составлена на основе следующих источников: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) / Министерство иностранных дел РФ. 01.12.16. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkBBZ29/content/id/122186; Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года / КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=90601&fld=134&dst=100084,0&md=0.3411818763698158#0>; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция) / Правительство России. 14.05.2015. Режим доступа: <http://government.ru/news/18119>; Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» / Собрание законодательства Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 25 января 2010. № 4. С. 1293-1458; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. М.: 2013, Март, 350 с.

Table 2. Russia's priorities in the Asia-Pacific region and the role of the Far East in their implementation in strategies of national and regional levels of action

Правая колонка Таблицы 2, показывает нам, что в стратегических документах национального и регионального уровней действия Дальний Восток рассматривается не только как инструмент, но и как бенефициар «поворота на Восток» – интенсификации связей с АТР. Процесс этой интенсификации должен выражаться в обустройстве транзитной и экспортной инфраструктуры Дальнего Востока, в росте инвестиций в этот регион из азиатских стран, в создании передовых правовых условий для ведения экономической деятельности. В результате должен появиться новый центр экономического роста на востоке страны.

Однако, переходя с уровня геополитической риторики и стратегических документов на уровень наблюдаемой эмпирической реальности, приходится признать скромность достигнутых на сегодняшний день результатов. Институты развития, сформированные в Азии, в качестве альтернативы западным финансовым организациям, инвестируют в экономику нашей страны на едва заметном уровне. Например, по состоянию на 2018 г. среди 36-ти одобренных и находящихся в стадии рассмотрения проектов в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций: нет ни одного российского³¹. Банк развития БРИКС финансирует 13 проектов, из них три – российские на общую сумму 628,8 млн долл. – но эти скромные инвестиции не связаны, строго говоря, с поворотом на Восток³². Текущие объёмы и перспективы дальнейшего привлечения в ДФО инвестиций из стран Восточной Азии являются предметом дискуссий и нуждаются в отдельном исследовании, однако касательно, например, инвестиций из КНР результаты можно считать неубедительными³³.

³¹ Asian Infrastructure Investment Bank / Approved projects Mode of access: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/index.html>

³² New Development Bank/Projects Mode of access: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/page/2/>

³³ См. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Савченко А.Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 11. С. 105-113. [Zuenko I. Ju.; Ivanov, S.A.; Savchenko, A.E. Kitajskie investicii na rossijskom Dal'nem Vostoke

На созданной российской площадке для привлечения азиатских инвестиций – ежегодном Восточном экономическом форуме, проходящем во Владивостоке, значимые соглашения заключаются с российскими, а не иностранными компаниями (впрочем, и эти соглашения не носят обязательного характера для исполнения). А масштабные проекты по развитию Дальнего Востока финансируются государством или тесно связанными с государством сырьевыми корпорациями. Даже для транспортных коридоров «Приморье 1» и «Приморье 2», которые строятся для обеспечения экспорта и внутреннего транзита продукции китайских провинций Цзилинь и Хэйлунцзян через дальневосточные порты, пока так и не удалось привлечь иностранных инвесторов.

Материальным подтверждением поворота на Восток на сегодняшний день выступает лишь строительство мощного энергетического комплекса, ориентированного на транспортировку, переработку и экспорт углеводородов в страны АТР (нефте- и газопроводы, заводы по производству сжиженного природного газа, портовые терминалы и т.д.) Впрочем, стоит заметить, что этот процесс в большей степени связан с диверсификацией рынков сбыта и географическим смещением сырьевой базы, чем с геополитическими манёврами, и начался он с 1990-х гг. с разработки сахалинского шельфа.

* * *

На сегодняшний день можно констатировать, что в повороте на Восток куда боль-

(Chinese Investments on the Russian Far East) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2019, No. 11, pp. 105-113]; Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е. Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад. Режим доступа: <http://ihaef.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf> [Ivanov, S.A. Savchenko A.E., Zuenko I. Ju., Kozlov L.E. Kitajskij kapital na juge Dal'nego Vostoka Rossii: ozhidaniya gosudarstva i realii vzaimodejstvija. Analiticheskij doklad (Chinese Capital on the Russian Far East: the State Expectations and Realities of Interactions. Analytical Report). Mode of access: Режим доступа: <http://ihaef.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>]

ше риторики, чем реальных результатов, однако это не означает, что он не происходит. Цель этой статьи как раз и состояла в том, чтобы заострить внимание на тех процессах, которые развиваются независимо от этой риторики и придают повороту на Восток характер фундаментального сдвига российских стратегических приоритетов.

Рассмотрев его в преломлении трёх глобальных процессов (реконфигурации мирового порядка, реализации собственного интеграционного проекта и диверсификации политико-экономических связей), мы можем выделить ключевых фактора, которые можно назвать движущими силами российского поворота на Восток:

Во-первых, это сближение с Китаем. Москва может рассматривать подъём АТР как ресурс для успешного маневрирования в меняющемся мире, прежде всего, благодаря нормализации отношений с Китаем. Возможно, именно этот успех, а не нормализацию отношений с Западом, историки будущего назовут главным внешнеполитическим прорывом Москвы конца XX века, который позволил избежать повторения печальной участи Советского Союза, находившегося с конца 1970-х гг. в объятиях пояса военного сдерживания: США – Япония – Республика Корея – КНР³⁴.

Во-вторых, смена геополитических приоритетов была бы невозможна без подготовительного периода. Несмотря на евроцентризм российской внешней политики 1990-х – начала 2000-х гг., именно в это время происходило формирование инфраструктуры сотрудничества России и АТР, которая фактически отсутствовала в советский период. Речь идёт о Шанхайской организации сотрудничества (начинавшейся с образования «Шанхайской пятёрки» в 1996 г.) и форуме Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества³⁵. Успешная реализация ев-

разийского интеграционного проекта (на базе ЕАЭС) также была бы невозможной без мощной подготовительной работы в рамках ЕврАзЭС и Таможенного союза, подспорьем для которой стала конструктивная позиция руководства Казахстана, значение которой невозможно переоценить.

В-третьих, Россия на протяжении 2000-х гг. последовательно избавлялась от монополизма Европы в сфере потребления российских энергоресурсов. Западные страны не только утратили контроль над производством нефтепродуктов – они, что самое главное, утратили контроль над спросом, вследствие резкого роста потребления в развивающихся странах Азии. Этот сдвиг в географии нефтяной торговли – недооценённый, но, вероятно, один из самых значимых факторов российского поворота на Восток, поскольку именно он создаёт пространство для геоэкономического манёвра. Если, например, в середине XX века Великобритания, оказав влияние на нефтяные и танкерные компании, могла заблокировать экспорт нефти из Ирана, то в начале XXI века такая ситуация невозможна из-за возросшего числа крупных потребителей углеводородов в различных частях земного шара.

Всё это даёт нам основания не соглашаться с тезисом, что Россия не сумела повернуть на Восток за весь постсоветский период, который встречается в ряде западных работ³⁶. События 2014-2019 годов, начиная с «крымского кризиса», которые при известном желании можно рассматривать как субъективные и во многом случайные, связанные с ролью конкретных личностей в истории, наложились на указанные долгосрочные процессы, носящие объективный характер. В результате произошло разрушение прежних структур: наработанных практик и институтов взаимодействия с Западом, обветшавшей иерархии внешнеполитических приоритетов Москвы, не говоря уже о том, что с введением экономических санкций перестала работать прежняя экономическая модель роста российской

³⁴ См. подробнее: Scalapino, R. *Asia at the End of the 1970's* // *Foreign Affairs*, 1979, Vol. 58, No. 3, pp. 716-717.

³⁵ Примечательно, что в сентябре 2012 г. во Владивостоке Россия принимала саммит АТЭС, хотя за 23 года до этого, в 1989 г., на учредительный саммит этой организации СССР не был приглашен даже в качестве наблюдателя

³⁶ См., например: Lo Bobo. *Russia and the New World Disorder*. London-Washington. D.C., 2015. P. 13.

экономики. Всё это ослабило сдерживающие структуры и расширило пространство для «движения» России в азиатско-тихоокеанском направлении. Страна не столько поворачивает, сколько её, как лодку в бурном течении, «разворачивает» на Восток в результате совпадения различных факторов, истоки которых берут своё начало в глобальных геополитических сдвигах и внутривнутриполитическом развитии.

Иными словами, рост значимости АТР для России связан с геополитическими приоритетами Москвы и конвергенцией политических систем государств-участников ЕАЭС (с одновременной дивергенцией этих систем относительно Запада). Исходя из этого, в перспективе можно прогнозировать устойчивую восходящую траекторию этого геополитического тренда. Главной проблемой является тот факт, что поворот на Восток ещё не привёл к формированию новой модели экономического роста и видимых успехов по обеспечению развития восточных территорий страны. Решение этой проблемы – задача следующего этапа, который и выступит реальным итоговым индикатором успеха или провала российского поворота на Восток.

Литература:

Барановский В. Новая внешняя политика России: Влияние на международную систему (Тезисы доклада к заседанию Учёного совета ИМЭМО РАН 27 января 2016 г.) // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7.

Бордачёв Т.В. Поворот на Восток и евразийское всеобъемлющее партнёрство. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-evraziyskoe-partnerstvo/>

Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 8.

Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Савченко А.Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 11. С. 105-113.

Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е. Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад. Режим доступа: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>

К Великому океану – 4. Поворот на Восток: предварительные итоги и новые задачи. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. 36 с. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/12395/>

Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И.А. Макаров. М.: Международные отношения, 2016. 448 с.

Харрел Э. Гегемония, либерализм и глобальный порядок: где могут появиться новые великие державы? // Прогнозис. 2007. № 1 (9).

Хоскинг Дж. Россия и русские. В 2-х кн. Кн. 1: Пер. с англ. / Дж. Хоскинг. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003.

Шпангер Ханс-Йоахим. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodeistvie-i-konflikty-na-Shlkovom-puti-18208#_ftn1

Hopf, T. Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics // *International Organization*, 2013, No. 67, pp. 317-354.

Kerr, David. Dilemmas of the “Middle Continent”: Russian Strategy for Eastern Eurasia // *The International Spectator*, 2009, Vol. 44, No. 2.

Korolev, A. Bringing Geopolitics Back In: Russia's Foreign Policy and Its Relation with the Post-Soviet Space // *International Studies Review*, 2015, No. 17, p. 309.

Korolev, A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications // *Pacific Affair*, 2016, Vol. 89, No. 1, p. 53; Blank, S. What Is Russia to Asia? // *Orbis*, 2003, October. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2003/10/what-is-russia-to-asia/>

Lo Bobo. Russia and the New World Disorder. London-Washington. D.C., 2015.

Osterud, O. The Uses and Abuses of Geopolitics // *Journal of Peace Research*, 1988, Vol. 25, No. 2, p. 191.

Rozman, G. The Russian Pivot to Asia. The Asian Forum, 2014, November-December. Mode of access: <http://www.theasianforum.org/the-russian-pivot-to-asia/>

Scalapino, R. Asia at the End of the 1970's // *Foreign Affairs*, 1979, Vol. 58, No. 3.

Starrs, S. The Chimera of Global Convergence. *New Left Review*, 87. May-June 2014.

References:

Baranovskij, V. Novaya vneshnjaja politika Rossii: Vlijanie na mezhdunarodnuju sistemu (Tezisy doklada k zasedaniju Uchjonogo soveta IMJeMo RAN 27 janvarja 2016 g.) (Russia's New Foreign Policy: Implication for International System) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, Vol. 60, No. 7.

Bordachjov, T.V. Povорот на Vostok i evrazijskoe vseobemljushhee partnerstvo (Russia's Pivot to the East and Comprehensive Eurasian Partnership). Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-evraziyskoe-partnerstvo/>

Global'naja sistema na perelome: puti k novoj normal'nosti (Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, Vol. 60, No. 8.

Harrel, Je. Gegemonija, liberalism i global'nyj porjadok: gde mogut pojavit'sja novye velikie derzhavy? (Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers?) // *Prognosis*, 2007, No. 1 (9).

Hopf, T. Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics // *International Organization*, 2013, No. 67, pp. 317-354.

Hosking, Dzh. Rossiya i russkie. (Russia and Russians). Transl. Moscow: AST, 2003.

Ivanov, S.A. Savchenko A.E., Zuenko I. Ju., Kozlov L.E. Kitajskij kapital na jube Dal'nego Vostoka Rossii: ozhidaniya gosudarstva i realii vzaimodejstviya. Analiticheskij doklad (Chinese Capital on the Russian Far East: the State Expectations and Realities of Interactions. Analytical Report). Mode of access: Режим доступа: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>

K Velikomu okeanu – 4. Povorotna Vostok: predvaritel'nye itogi i novye zadachi. Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» (Toward the Great Ocean 4: Turn to the East. Preliminary Results and New Objectives. The Paper of the Valdai Discussion Club). Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/files/12395/>

Kerr, David. Dilemmas of the “Middle Continent”: Russian Strategy for Eastern Eurasia // *The International Spectator*, 2009, Vol. 44, No. 2.

Korolev, A. Bringing Geopolitics Back In: Russia's Foreign Policy and Its Relation with the Post-Soviet Space // *International Studies Review*, 2015, No. 17, p. 309.

Korolev, A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic. Implications // *Pacific Affair*, 2016, Vol. 89, No. 1, p. 53; Blank, S. What Is Russia to Asia? // *Orbis*, 2003, October. Mode of access: <https://www.fpri.org/article/2003/10/what-is-russia-to-asia/>

Lo Bobo. Russia and the New World Disorder. London-Washington. D.C., 2015.

Osterud, O. The Uses and Abuses of Geopolitics // *Journal of Peace Research*, 1988, Vol. 25, No. 2, p. 191.

Povorot na Vostok. Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v uslovijah usileniya aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii (Pivot to the East. Developing the Siberia and Far East in the Terms of Increasing of the Eastern Vector of Russia's Foreign Policy). Ed. by I.A. Makarov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. 448 p.

Rozman, G. The Russian Pivot to Asia. The Asian Forum, 2014, November-December. Mode of access: <http://www.theasianforum.org/the-russian-pivot-to-asia/>

Scalapino, R. Asia at the End of the 1970's // *Foreign Affairs*, 1979, Vol. 58, No. 3.

Shpanger, Hans-Joachim. Povorot Rossii na Vostok, povorot Kitaja na Zapad: vzaimodejstvie i konflikty na Shjolkovom puti (Russia's Turn Eastward, China's Turn Westward: Cooperation and Conflict on the New Silk Road). Mode of access: http://www.globalaffairs.ru/valday/Povorot-Rossii-na-Vostok-povorot-Kitaya-na-Zapad-vzaimodejstvie-i-konflikty-na-Shjolkovom-puti-18208#_ftn1

Starrs, S. The Chimera of Global Convergence. *New Left Review*, 87. May-June 2014.

Zuenko I. Ju.; Ivanov, S.A.; Savchenko, A.E. Kitajskie investicii na rossijskom Dal'nem Vostoke (Chinese Investments on the Russian Far East) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, No. 11, pp. 105-113.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009

THE DRIVING FORCES OF RUSSIA'S PIVOT TO EAST

Anatolii E. Savchenko

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of the RAS,
Vladivostok, Russia*

Ivan Yu. Zuenko

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of the RAS,
Vladivostok, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 29.10.2019 <i>Accepted:</i> 10.01.2020	Abstract: There is no conceptual analysis of the Russia's pivot to East while a lot of discussion about nature and consequences of this geopolitical maneuver among both Russian and foreign analysts. The article based on the analysis of Russian official program documents explores the key aspects of the Russia's reorientation to Asia policy. Authors view the policy in the context of three global processes: 1) participation of Russia in global competition towards reconfiguration of global order; 2) Russian strategy for reintegration of post-Soviet space and its interaction with alternatives projects for post-Soviet integration; 3) diversification of political and economic ties of Russia with its West/East partners. According to the authors' conclusions, the 'pivot to East' process is unfolding in several dimensions simultaneously. Current geopolitical reconfiguration is the result of long-term processes which closely related with main geopolitical and internal priorities of Moscow, and this gives the reasons for vision of the pivot to East as sustainable rising tendency, which will independent from current and short-run processes in the international affairs. The factors, which directly led Russia to this policy, were rapprochement with China, building of cooperation and integration infrastructure with Asia-Pacific and post-Soviet Central Asia countries, diversification of energy resources trade with the purposes of avoid dependency from monopsonic European market. Key words: pivot to East; Russia; geopolitics; Eurasian integration; strategy of development; Pacific region; Far East
About the authors: <i>Anatolii E. Savchenko</i> , Deputy Director, IHAЕ FEBRAS e-mail: savchenko@ihaefe.ru <i>Ivan Yu. Zuenko</i> , Researcher of Department for Chinese Studies, IHAЕ FEBRAS e-mail: lakrimoser@mail.ru	
	<i>Acknowledgements:</i> the article was prepared with the support of the Russian Science Foundation in the framework of the project "Far Eastern Resource of Russia's Integration in the Asia-Pacific Region: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Interaction". Project No. 14-18-00-161

Для цитирования: Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. – 2020. – № 1. – С. 111-125.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009

For citation: Savchenko, Anatolii E.; Zuenko, Ivan Yu. Dvizhushchiye sily rossiyskogo povorota na Vostok (The Driving Forces of Russia's Pivot to East) // Comparative Politics Russia, 2020, No. 1, pp. 111-125.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009